

Константин Николаевич Леонтьев

Очерки Крита

Константин Леонтьев

Очерки Крита

«Public Domain»

1874

Леонтьев К. Н.

Очерки Крита / К. Н. Леонтьев — «Public Domain», 1874

«...На дворе февраль, и скоро масленица; уже фиалки цветут, рощи седых маслин вокруг деревни мирны, густы и тенисты; с террасы виден город, море и корабли; мы на террасе у невесты в доме, и с утра уже в этом доме не смолкает музыка. Греческие танцы не смыкаются в круг, как наши хороводы и болгарские танцы, а выются длинною змеей. Апокорониотика, суэта, сирто, — все эти танцы представляют разомкнутую цепь во сколько угодно человек; танец ведет обыкновенно мужчина, держа свою даму за руку или на платке. Танцуют, собственно, только двое передних, остальные под размер музыки двигаются за ними...»

Содержание

Предисловие	5
Очерки Крита	7
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Леонтьев

Очерки Крита

Предисловие

Повести, собранные в эти две книжки, все из новогреческой жизни, юго-славяне являются в них разве мимоходом. Это, с одной стороны, совершенная случайность; хотя нельзя вместе с тем не заметить, что греческая жизнь больше юго-славянской бросается в глаза: она разнообразнее, полнее, цветистее, так сказать.

Несмотря на эту разницу в степени выразительности, *если только предположить*, что мне удалось изобразить более или менее верно картины греческой жизни нашего времени, то *в общих чертах* – эти рассказы могут дать приблизительное понятие и о быте славян в Турции

Политические интересы могут быть в антагонизме у греков и болгар, у болгар и сербов в иных отношениях; государственно-национальные стремления и чувства могут привести все эти нации к самым разнородным политическим результатам, но общая физиономия быта, картины домашней жизни почти одни и те же у всех христиан Европейской Турции (за исключением молдо-валахов), привычки, личные вкусы, идеалы религиозные, эстетические, нравственные и т. д. имеют в себе нечто однородное, которое подходит под одно название *жизнь христиан в Турции*. Тому, кто не только видел, но и дал себе труд понять греков и юго-славян, тому стоит лишь картину их жизни противопоставить быту чисто мусульманскому, напр<имер>, французскому или даже русскому быту, чтобы согласиться со мной. Если только русский человек в силах отделить мысленно *идею политическую* от *бытового зрелища*, представляющегося ему по приезду его в Турцию, то он должен согласиться с тем, что отношения между греками и юго-славянами напоминают с этой двойной точки зрения отношения поляков к великороссам, англичан к северо-американцам; т. е.: *согласия политического мало, – сходства бытового довольно много*; особенно при противопоставлении этих наций другим нациям, более отдаленным от них по историческому воспитанию или по племенному гению. Прусский дворянин прежнего времени мог быть во многом *политически* очень согласен с русским дворянином; и оба они – и пруссак и русский – были *политически же* ни в чем почти не согласны с дворянином польским; но по *физиономии бытовой*, по чертам лично-психическим поляк с русским ближе и сходнее, чем с прусским немцем. В романах Купера, Бичер-Стоу и даже в каких-нибудь очерках Брет-Гарта видно то же самое отношение к жизни, тот же самый англосаксонский гений, который виден у Вальтер Скотта и Диккенса, с небольшими местными оттенками. А политический антагонизм Англии и Соединенных Штатов так известен, что об нем не идет много и говорить.

Это одно, а второе – вот что.

Надобно для ясности понимания христианского Востока проводить мысленно резкую черту между *эпической*, простонародной половиной всего греко-славянского мира и между той его половиной, которую вернее всего назвать *буржуазной* (ибо выражение *интеллигенция*, противопоставленное выражению *эпическая часть нации*, было бы в этом случае для народа уже слишком обидно). Вообще можно сказать без долгих объяснений, что *простой* народ на Востоке лучше нашего; он трезвее, опрятнее, наивнее, нравственнее в семейной жизни, живописнее нашего.

Общество же высшее, руководящее, обученное, надевшее вместо великолепных восточных одежд плохо скроенный, дешевый европейский сюртук *прогресса* – хуже нашего русского общества; оно ниже, грубее, однообразнее, скучнее.

Вот что я хотел сказать этим предисловием.

К. Леонтьев

Очерки Крита

I

Вчера была свадьба Николи. Он служил года три сеисом (конюхом) у Г. Д. Отец его столяр в Халеппе; один брат золотых дел мастер, другой столяр, как отец. Критские мужчины почти все рослы; особенно горцы-сфакиоты издревле славятся своим ростом, а выходцев из гор Сфакия немало в Халеппе. Николи между другими не высок, и черты лица его гораздо хуже, чем у многих молодых соседей; зато у него большие, прекрасные глаза, одевается он всегда нарядно и отлично ездит верхом. Стоит полюбоваться, когда он крупною рысью гремит по деревянной мостовой в гору и под гору мимо окон своей невесты.

Ноги у него стройны и обуты в голубые чулки; красная куртка в обтяжку и без рукавов; синие шаровары широки как юбка и подобраны красными подвязками под колена; длинная феска набок; он хитер, ловок и отважен, но в обращении ласков и вежлив.

Он нажил кое-что, и отец построил ему около своего Дома другой домик, с террасой и опрятным двором. Николи приготовил кровать с занавесами из легкой шолковой материи (вроде грубого полосатого газа), которую зовут *хашлама*; повесил ситцевые занавески на окнах; над дверями у него, как у патриота, портрет короля Георгия I; образа в углу; на дворе левкой, фиалки и кусты роз.

Три года он был женихом Елены, ходил в дом невесты каждый день и ночевал там нередко. Чтобы составить понятие об отношениях, которые бывают между критскими обрученными, иногда по несколько лет сряду, нам стоит только представить себе отношения молодых парней к молодым девушкам в Украине. Никто в частых свиданиях не видит там ничего дурного, и никто не мешает молодым людям проводить целые часы с глазу на глаз. Елена очень мила, бела, волосы каштановые, а глаза черные, и она ими умеет искусно владеть; руки прекрасны, нежны; когда она танцует или говорит, то держит головку жеманно набок и представляется как бы усталою. Говорят, она капризна, а Николи сердит и ревнив, как все греки. Быть может, они будут ссориться, быть может, они будут несчастнее многих других соседей, которые живут так мирно... Но пока, на свадьбе, им весело и легко.

На дворе февраль, и скоро масленица; уже фиалки цветут, рощи седых маслин вокруг деревни мирны, густы и тенисты; с террасы виден город, море и корабли; мы на террасе у невесты в доме, и с утра уже в этом доме не смолкает музыка.

Греческие танцы не смыкаются в круг, как наши хороводы и болгарские танцы, а вьются длинною змеей. Апокорониотика, суэта, сирто, – все эти танцы представляют разомкнутую цепь во сколько угодно человек; танец ведет обыкновенно мужчина, держа свою даму за руку или на платке. Танцуют, собственно, только двое передних, остальные под размер музыки двигаются за ними.

Вот танцует Илья-лавочник (бакал), толстый отец семейства, лет сорока. Что за добродушный молодец! Феска стоит колпаком кверху; свежий, усатый, круглолицый, он больше похож на казака из «Тараса Бульбы», чем на грека. Красный кушак его развязался, он его ловит и все пляшет; поскользнулся, упал, не смутился, опять вскочил и пляшет еще ловчее прежнего. Вот и другой молодой и богатый лавочник. У него много оливковых деревьев и магазин масла в городе. Жена у него молодая, стройная, скромная. Весь он в темно-коричневом сукне; кушак синий, толковый, и белая рубашка европейского покроя видна из-под богатого нарядного платья. Что за мужчина! Что за рост! какая стройность! Волосы и усы как смоль, а сам бел как блондинка; он танцует скромнее, чем Илья, как бы джентльмен или как человек более ровного нрава. Жених пляшет не слишком хорошо, и ростом теряет против других; но зато брат его,

золотых дел мастер, мальчик лет двадцати, белый и нежно-румяный, белокурый красавец, так изящно выводит ногами, что все не налюбуются. Жаль немного, что рядом с этими греками, которые превосходят все ваши ожидания своею живописностью, девушки и женщины в узких кринолинах и в коротких и плохо сшитых по-европейски платьях. Ахиллес и Парис пляшут с субретками! Впрочем, многие из этих девушек и деревенских дам очень милы и красивы, так что все-таки приятно смотреть.

Невеста одета лучше других: на ней белое кисейное платье с голубыми мушками, на голове повязан синий платочек, с золотыми блестками вокруг; на шее тяжелая серебряная турецкая цепь, и к поясу приколоты большие выпуклые часы (подарок жениха). Она в танцах не принимает участия и сидит внизу, в другой комнате. Вечером же у молодого в доме она, если захочет, будет танцевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.